

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества

Светлана Игоревна КОДАНЕВА

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117218, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: kodanevas@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8232-9533

ЦИТИРОВАНИЕ: Коданева С.И. (2021) Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 98–117.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Статья поступила в редакцию 27.09.2020.

АННОТАЦИЯ. 31 января 2020 г. Великобритания покинула Европейский союз. Со времени референдума 2016 г. сложился значительный пласт литературы, призванной дать ответ на вопрос, почему жители страны приняли именно такое решение. Настоящая статья вносит свой вклад в научные исследования по рассматриваемой тематике.

Новизна представленного исследования заключается в том, что оно, в отличие от большинства имеющихся работ, не акцентировано на проблемах миграции и ухудшения социально-экономических условий жизни населения страны. В статье доказывается, что сами по себе эти факторы не объясняют столь широкую поддержку Брекзита всеми слоями населения. В качестве одной из ключевых причин развития сепаратистских настроений в Великобритании рассматривается социальная трансформация всего западного общества, приведшая к разрушению привычных социаль-

ных связей и традиционных основ самоидентификации личности. Человек перестает чувствовать себя частью чего-то целого и неизменного, что вызывает чувство страха, неуверенности и беспомощности у многих людей, независимо от социальной принадлежности. Это заставляет искать источник стабильности в прошлом страны, когда она была независимой и великой империей, что нашло воплощение в мифе о «Глобальной Британии».

Популистский лозунг «Вернем контроль» основан на исторически сложившихся непреодолимых институциональных различиях между Великобританией и континентальной Европой, главным из которых является отношение Великобритании к прецедентному праву Суда ЕС, расширительные толкования которого включались в административную практику страны, что вступало в противоречие с представлением жителей о демократии.

Наконец, проанализировано, как эти глубинные предпосылки нашли воплощение в популистской риторике кампании «за выход», сторонники которой использовали методологию постправды, предлагая широкий набор популистских инструментов как интеллектуального, так и эмоционального характера практически для всех групп населения, очень точно подбирая информацию для различных каналов коммуникации.

Результаты настоящего исследования могут быть полезны для анализа националистических и сепаратистских настроений в странах Запада и прогнозирования дальнейшего развития событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Брекзит, Великобритания, Европейский союз, сепаратизм, национализм, «Глобальная Британия», постправда, политический миф, социальная трансформация общества

Введение

Утром в день референдума о Брекзите тысячи гражданских активистов праздновали победу, провозглашая «свободу» и «независимость». Два дня спустя, 25 июня 2016 г., на первой полосе Daily Mail было напечатано: «Это был день, когда тихий народ Британии восстал против <...> брюссельской элиты» (цит. по [Frosini, Gilbert 2020]). Возникает вопрос: почему так много «тихих людей» восприняли выход из ЕС как освобождение? Чем можно объяснить, что победили, хотя и с незначительным отрывом (всего 51,9% против 48,1%), но

все же сепаратистские настроения и желание «независимости».

Многие обозреватели и ученые предлагали свои объяснения происшедшему, акцентируя внимание на проблеме миграции¹, поскольку именно она стала ключевым лейтмотивом агитации сторонников кампании «за выход» (см., например, [Фадеева 2018; Благовещенский 2017]). Эта проблематика часто связывается с нарастанием национал-популизма (см., например, [Seidler 2020; Bhambra 2017; Wincott 2017]). К. Худoley и Н. Еремина объясняют данный феномен преимущественно проблемами безопасности [Худoley, Еремина 2017].

Кроме того, некоторые авторы полагают, что евроскептицизм связан с национальными особенностями британцев, которые никогда не считали себя европейцами. Действительно, социологические опросы показывают постепенное укрепление национальной идентичности британцев на фоне ослабления сопричастности к Евросоюзу (51% респондентов в 2015 г. против 44% в 2007 г. ставят на первое место национальную идентичность, а доля тех, кто соотносит себя с Евросоюзом, сократилась с 8 до 5%) [Кузнецова, Хахалкина 2018, с. 53].

Большинство российских авторов в качестве причины видят ухудшение качества жизни в результате финансово-экономического кризиса 2008 г. (повышение налогов и сокращение социальных расходов, снижение жизненного уровня) (см., например, [Шибкова 2016; Фадеева 2018]) и желание показать правительству свое недовольство [Ананьева 2017, с. 111].

¹ В настоящей статье под словом «миграция» понимается перемещение граждан государств – членов ЕС в Великобританию в рамках закрепленного Договором о ЕС права на свободу передвижения граждан стран – членов ЕС внутри Союза. Автор использует данный термин для обозначения внутренней миграции в границах ЕС, поскольку это соответствует сложившейся и широко используемой в зарубежной и отечественной научной литературе применительно к данному контексту терминологии.

Как подчеркивает А. Громыко, Брекзит стал проявлением общих для всего коллективного Запада проблем: прогрессирующей дифференциации в доходах среднего класса, расслоения, обеднения его нижних слоев [Громыко 2016].

Таким образом, если проанализировать все сложившиеся мнения о причинах Брекзита, то можно объединить их в три группы:

1. Нарастание национализма из-за возрастающего притока мигрантов.
2. Снижение уровня жизни после кризиса 2008 г. и 7 лет политики «жесткой экономии», которую проводило правительство страны.
3. Недовольство тем, что правительство безразлично к проблемам народа, а «брюссельская бюрократия» навязывает свои предписания.

Действительно, внешний фон голосования за Брекзит был в основном связан с двумя тезисами: увеличение количества мигрантов из стран ЕС и утрата суверенитета. Однако представляется, что все это только верхушка айсберга и не следует пренебрегать позитивной политической идеологией сторонников отделения. Люди, голосовавшие «за выход», голосовали за что-то, а не только против ЕС, элит или социальной несправедливости.

Настоящая статья преследует цель выявить и проанализировать глубинные причины, руководившие людьми.

Во-первых, неверным будет утверждать, что «за выход» голосовали исключительно малообеспеченные и плохо образованные низшие слои местного населения, пострадавшие в результате глобализации, а потому настроенные националистически по отношению ко всем «чужим». Такое утверждение не объясняет тот факт, что сторонниками Брекзита была значительная часть эко-

номически благополучных граждан, а также тех, кто, несмотря на низкую привязанность к своей британской идентичности, относительно высокий образовательный уровень и удовлетворенность внутренней демократией, предпочли выход из ЕС [Pensiero 2020].

Антиевропейское движение опиралось на многочисленные мелкие денежные пожертвования, а также на значительные финансовые поступления от богатых и евроскептически настроенных менеджеров хедж-фондов [Воробьева 2016, с. 47]. Так, более 50% пожертвований на кампанию перед референдумом поступило от 10 богатых спонсоров, 6 из которых поддерживали Брекзит [Ананьева, Каневский 2016, с. 33].

Следует подчеркнуть, что риторику сторонников Брекзита, вне зависимости от их политической принадлежности, объединяет обещание, что Великобритания снова станет великой, независимой, демократической и суверенной, т. е. обещание вернуть великое прошлое.

В чем же причина притягательности этого простого посыла? Почему ностальгия оказалась сильнее, чем голос разума (все ведущие эксперты прогнозировали серьезные экономические потрясения в случае разрыва с ЕС).

Так, М. Карни – управляющий Банком Англии – заявил, что «голосование за выход из Европейского союза может ... спровоцировать рецессию» [Robertson 2016]. Глава МВФ К. Лагард – что выход из ЕС приведет к тяжелым экономическим последствиям [IMF Says Brexit 2016]. Британский институт финансовых исследований предсказал двухлетнюю жесткую экономию после Брекзита [Emmerson et al. 2016].

Представляется, что поддержка избирателями «выхода» обусловлена тремя ключевыми факторами:

1. Глобальная социальная трансформация, происходящая в мире.

2. Глубокие институциональные противоречия между Великобританией и Евросоюзом.
3. Эффективное использование кампанией «за выход» инструментов постправды.

Рассмотрим эти три ключевых, на наш взгляд, фактора более подробно. Однако начнем с анализа выдвигаемого некоторыми авторами тезиса о роли национал-популизма и нарастании националистических и ксенофобских настроений в британском обществе.

Роль национал-популизма в результатах голосования за Брексит

Многие исследователи связывают результаты голосования за Брексит с возрастанием правого популизма, который по своей природе близок национализму в силу того, что апеллирует к «народу» и противопоставленным ему «другим». Так, С. Валлуван полагает, что обращение к народу привязано к конкретной территории национального государства, что превращает его в «местечковый шовинизм» [Valluvan 2020]. По мнению Р. Брубакер, различий между популизмом и национализмом ни исторически, ни в современном политическом поле не существует [Brubaker 2017].

Стоит задуматься: насколько верны подобные утверждения? И действительно ли можно однозначно поставить знак равенства между популизмом и национализмом?

Тема популизма впервые была поднята Р. Хофштадтером в 1964 г. в книге «Параноидальный стиль в американской политике», где говорится, что правые радикалы психологически стоят вне рамок нормальной демократической политики, а «популизм» объ-

яснялся как своего рода патология в послевоенных западных обществах [Bergmann 2020].

Распространение популизма в современной Европе, напротив, гораздо шире и переходит из разряда маргинальных движений в мейнстрим политики. Популизм перестает быть патологией, т. е. отклонением от общепризнанного «нормального», и находит отклик в мировоззрении тех людей, которые не получают защиты в рамках существующего государственного порядка. Популистские лидеры объясняют это тем, что политика становится все более чуждой народу и, следовательно, – менее демократичной.

В этой связи популизм является легитимной стратегией противостояния политической элите и превращается в инструмент борьбы со сложившимися властными отношениями. Обычно популисты предлагают простые решения сложных проблем, обвиняя правящую верхушку в преследовании своих корыстных целей.

Кроме того, популизм становится методом политической мобилизации и коммуникации. Это целенаправленная политика разрушения существующей политической системы или противодействия подготовленным политическим решениям. Например, Л. Соренсен описывает, как популисты претендуют на истину, «разоблачая деятельность элит» [Sorensen 2018].

Следовательно, основной целью современного популизма выступают политические элиты, а объектом эмоционального воздействия – народ. То есть популизм действует по вертикальной оси, противопоставляя «народ» «элите», при этом «народ» объединяет различные и даже маргинальные группы. Напротив, «национализм» действует по горизонтальной оси, проводя противопоставление между «нами» и «ими». Причем центральным элемен-

том такого противопоставления является «нация».

Таким образом, нельзя согласиться с абсолютным отождествлением национализма и популизма. А в качестве контраргумента применительно к Брекзиту следует заметить, что одна из центральных тем идеи «Глобальной Британии» связана с «внутренним интернационализмом», который позволил ряду обозревателей объяснить результаты референдума готовностью британцев вновь «утвердить свою глобальную идентичность» [Eaton (1) 2020].

Что касается национальной идентичности, то, как наглядно демонстрируют Б. Де Клин и Я. Ставракакис, речь идет не столько о национализме, сколько о попытке идентификации себя в мире, что является чисто политической игрой [De Cleen, Stavrakakis 2017].

Таким образом, популистская риторика сторонников выхода была нацелена на недовольства и страхи жителей страны, с одной стороны, обещание возвращения в былые «золотые» времена, с другой стороны, и поиск очевидного и материального «виновника» всех существующих бед – с третьей стороны. Безусловно, нельзя не признать, что массовое и постоянное декларирование негативного образа мигрантов, которые виноваты в снижении доходов и потере рабочих мест местными жителями, не могло не вызвать всплеска националистических настроений. Однако представляется, что это фактор второго порядка, связанный именно с необходимостью найти наглядное и «овеществленное зло», проистекающее из ЕС, на которое можно излить гнев и недовольство. Современный британский «национализм» и «сепаратизм» – явление иного порядка. Оно происходит не столько от «нелюбви» к мигрантам и вообще «иным» (коими являются континентальные европейцы), сколько обусловлено рядом иных причин, которые будут рассмотрены далее.

Значение глубокой социальной трансформации Западного мира для исхода голосования за Брекзит

Итак, популисты предлагают простой ответ на те проблемы, которые современные либеральные демократии не могут решить. Эмоции людей, на которых играют популисты, являются результатом гораздо более широких социальных изменений, чем простое снижение уровня жизни и безопасности. Речь идет об утрате доверия к стабильности социального мира.

Э. Дуркхайм утверждает, что в настоящее время мы являемся свидетелями не столько краха доверия к институтам самой демократии, сколько краха доверия к стабильности социального мира. Именно эта трансформация подрывает чувство идентичности и сопричастности людей и, следовательно, может быть реальной причиной роста популизма (цит. по [van der Walt 2020]).

Это позволяет объяснить, почему за выход из ЕС агитировали и голосовали представители всех социальных слоев. Глобальный капитализм и связанные с ним технологические преобразования не только угрожают условиям жизни так называемых проигравших в глобализации, но и трансформируют условия жизни тех, кто имеет экономический достаток и может считать себя в относительной безопасности. Этот особый характер социальной трансформации объясняет, почему она все больше утрачивает определяющую классовую основу и почему традиционные политические партии становятся все менее различимыми в своих программах, срастаясь с истеблишментом и не предлагая альтернатив существующему положению [Евросоюз на перекрестке 2018].

Социальный кризис, с которым сталкиваются современные демократии, следует рассматривать с точки зре-

ния внутреннего самоощущения европейцев, чувства внутреннего беспокорства и неудовлетворенности, которое стало широко распространено среди значительной части населения. Речь идет о разрушении доверительных социальных отношений внутри человеческого сообщества.

В нормальных условиях демократические правительства имеют достаточно сильную социальную базу, чтобы смягчить возможные несовершенства принятия политических решений. Сила гражданского общества проистекает из его внутренней организации в сообществе, которые могут формулировать ценности, отстаивать свои политические позиции. Такая система организации взаимоотношений между «обществом» и «властью» придает легитимность результатам демократических процедур, даже если они не отвечают ожиданиям определенных групп общества. Профессиональные сообщества, религиозные общины, неправительственные организации, стабильные семейные отношения и институты самоуправления создают основу для самореализации людей, которая компенсирует отсутствие представительства на политическом уровне.

В. Хайтмейер раскрывает взаимосвязь роста популизма в Германии с трансформацией капитализма за последние 30 лет. Как он отмечает, в основе растущего недовольства либерально-демократическими институтами лежит распространение «авторитарного капитализма», при котором экономические институты доминируют над социальными и политическими. «Благодаря этому новому доминированию растет напряженность между принципами капиталистической экономики, основанной на неравенстве и силе наиболее приспособленных, и демократией, основанной на равенстве» (цит. по [van der Walt 2020]).

Более того, этот новый капитализм превращает рыночную экономику в рыночное общество, тем самым разрывая традиционные социальные связи, навязывая свои ценности и паттерны как единственно верные и возможные. Это приводит к маргинализации или уничтожению всех форм общественного взаимодействия, за исключением экономического. Навязываемая обществу в качестве основной догма гибкости приводит к разрушению традиционных форм жизни и целостности личности, а далее – к чувству потери контроля над личным жизненным выбором и свободы самому строить свою жизнь, что сопровождается ощущением несправедливости. В. Хайтмейер провел широкое эмпирическое исследование, выявившее растущее влечение к популизму среди групп с высоким уровнем дохода. Он эмпирически опровергает тезис о том, что популизм, особенно правый, в основном поддерживают те, кто в силу недостаточного образования, возраста и иных социальных причин проиграл от глобализации (цит. по [van der Walt 2020]).

То, как современный капитализм влияет на человеческую личность, описано ведущими теоретиками, участвующими в дебатах о постмодернистском обществе и идентичности. В их трудах определены три направления разрушения стабильных структур гражданского общества в западных демократиях в результате развития капитализма: индивидуализация, ускорение и демографическая трансформация.

Индивидуализация проявляется в том, что поиск личностной самореализации все больше вытесняет традиционную идентичность, определяемую социальной средой, и в то же время люди потеряли безопасность стабильных, долгосрочных рабочих контрактов как горизонт индивидуального жизненного выбора. Если в конце прошлого ве-

ка чувство свободы и эмансипации опиралось на стабильную институциональную структуру, то теперь такой опоры не стало, зато возникло понимание, что не все могут справиться с этой новой свободой и найти себя. Это порождает чувства неуверенности, страха и бессилия.

Ускорение обусловлено стремительным развитием технологий, трансформировавших личную жизнь человека, которая, как и его профессиональная карьера, перестала быть стабильной. Если раньше выбор профессии, семьи, религии и места жительства, как правило, был долгосрочным, создававшим основу для самоидентификации, то жизнь современного человека – это серия ситуативных или временных идентичностей, а большинство жизненных выборов структурируются вокруг «проектов». Это приводит к потере автономии и контроля над основными условиями своей жизни, а затем – к эрозии личности и характера, вплоть до психологических патологий, таких как депрессия и выгорание [Sennett 1998].

Наконец, демографическая трансформация связана с нарастающей миграцией. Молодые и здоровые люди уезжают в надежде найти лучшие условия труда. Оставшееся население, в основном пожилое и менее мобильное, страдает от того, что И. Крастев называет «демографической паникой»: страха, что страна и ее население перестанут существовать [Крастев 2018]. И хотя это направление более характерно для стран Восточной Европы, где в постсоветский период произошел массовый отток населения, старшее поколение обеспеченных стран Европы, таких как Великобритания, испытывают те же страхи из-за значительно возросшего числа мигрантов.

Таким образом, не только «национализм», «сепаратизм», «недовольство

властями» побудили жителей Великобритании проголосовать за выход из ЕС. Это была эмоциональная реакция на совокупность системных проблем современного западного демократического общества, чем успешно воспользовались сторонники Брексита, сумевшие предложить заманчивую альтернативу.

Чтобы лучше понять эмоциональные механизмы, лежащие в основе происшедшего, будет полезным обратиться к теории эффективной и аффективной интерпелляции М. Мандельбаума, включающей три элемента: фантазию, радость и потерю [Mandelbaum 2020]. Потеря для жителей Великобритании – это «украденные» великое прошлое их страны, стабильность, уверенность в завтрашнем дне и гордость за свои демократические институты, являющиеся образцом для всего мира. Brexit – это фантазия, обещающая вернуть «лучшие времена». Неслучайно эта фантазия была облечена в форму политического мифа о «Глобальной Британии», рождающего чувство гордости за страну, уверенности в завтрашнем дне, т. е. радости.

Неудивительно, что кампания «за выход» отличалась сплоченностью и крайне позитивным характером. Так, евроэнтузиасты не гнушались личными выпадами против своих оппонентов, не демонстрировали также уважения и друг к другу, регулярно критикуя своих же сторонников и Евросоюз. Аргументация евроэнтузиастов напоминала знаменитый афоризм Уинстона Черчилля «демократия – худшая форма правления, не считая всех остальных». Другими словами, Евросоюз плох, но он – лучшее из того, что у нас есть [Благощевский 2017]. Видимо, поэтому основной аргумент евроэнтузиастов строился на демонстрации губительности для экономики страны выхода из Союза. Не зря евроскептики окрестили

агитацию своих противников «проектом страха» [Frosini, Gilbert 2020].

Напротив, евроскептики были крайне корректны к своим оппонентам. Они демонстрировали сплоченность, несмотря на свою принадлежность к разным политическим партиям, и были, вопреки своему названию, оптимистичны, ведь они формулировали фантазию, обещающую достижение счастья и радости, утраченных после вступления Великобритании в ЕС.

Вероятно, именно это, в конечном итоге, во-многом повлияло на результаты голосования.

Институциональные противоречия между Великобританией и Европейским союзом

В научной литературе, посвященной анализу причин Брекзит, довольно часто высказывается мнение о том, что причина поддержки выхода из ЕС связана с культурными различиями между жителями континентальной Европы и островитянами.

Безусловно, культурные различия сыграли не последнюю роль в риторике кампании «за выход», однако, как представляется, важнее институциональные различия систем общего (британского) и континентального права. Именно эти различия легли в основу лозунга «Вернем контроль». Этот аргумент носит более интеллектуальный характер, чем общая риторика о «Глобальной Британии».

Убеждение в том, что членство в ЕС несовместимо с доктриной парламентского суверенитета, заставило ряд интеллектуалов, таких как Д.Э. Пауэлл, Д. Джей и Т. Бенн, в свое время выступать категорически против вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Самым страстным сторонником этой позиции был Д.Э. Пауэлл, для которого парламент был буквально душой нации: «уберите парламент из истории Англии, и сама эта история станет бессмысленной. <...> Суверенитет нашего парламента является для нас чем-то иным, чем ваши собрания для вас» (цит. по [Frosini, Gilbert 2020]). Подобные аргументы, хотя и в более сдержанной манере, высказывали многие выдающиеся юристы, такие как Лорд Деннинг.

Тем не менее существует и иная точка зрения, которая опирается на тот факт, что обязанность судов страны отдавать приоритет нормам ЕС проистекает из Акта о ЕЭС 1972 г., т. е. из акта британского парламента, а значит, и его верховенство остается неизменным. И, действительно, если бы расширение полномочий Евросоюза происходило исключительно законодательным путем, то вряд ли бы Британия была столь чувствительна к потере своего суверенитета.

Проблема заключается в природе общего права, как основанного на прецеденте. «Прецедентное право было ключевым принципом традиции общего права. <...> Прецеденты могут рассматриваться де-факто, если не де-юре, как основные источники англо-американского права» [Mattei, Pes 2008, p. 273]. Но, в то же время, британские суды никогда не покушались на парламентский суверенитет. Традиция парламентского суверенитета подчеркивает свободу законоотворчества в любой области, при этом суды не могут оспаривать решения парламента [Goldsworthy 2015], поскольку судебная власть рассматривается как потенциально недемократическая [Tabarelli 2013].

Это резко контрастирует с историей расширительного толкования четырех основных свобод (свобода передвижения товаров, услуг, людей и капита-

лов), зафиксированных в Римском, а затем в Лиссабонском договорах. Поскольку право ЕС не определяет сферу исключительной компетенции государств-членов, европейский судебный контроль фактически под видом защиты указанных свобод существенно ограничивает парламентский суверенитет государств принимать или отменять любой закон, что несовместимо с традицией парламентского суверенитета².

Продемонстрировать значение данного институционального противоречия можно на примере наиболее политизированной в ходе кампании за Брекзит темы миграции. Д.С. Мартинсен и Г. Фалкнер провели подробный анализ прецедентного права Суда ЕС и наглядно продемонстрировали, как современное вторичное право социального обеспечения ЕС было сформировано прецедентным правом Суда ЕС, который постоянно ссылался на закрепленное в Договоре о ЕС требование свободы передвижения³. Кроме того, Суд неоднократно противодействовал попыткам государств-членов контролировать свои расходы на социальное обеспечение прибывающих в их страны лиц со ссылкой на предусмотренный договором запрет дискриминации по признаку гражданства [*Martinsen, Falkner 2011*].

Договор о ЕС закрепил, что «гражданам обеспечивается свободное передвижение во взаимосвязи с соответствующими мерами по вопросам контроля внешних границ, предоставления убежища, иммиграции, а также предотвращения преступности и борьбы с этим явлением» [Договор о Европейском Союзе]. Принимая данную норму, государства-члены были уверены, что оговорки, касающиеся «ответствующих мер», означают для них сохранение суверенитета в вопросах гражданства и социального обеспечения.

Однако Суд ЕС стал планомерно отстаивать равные права граждан ЕС на социальную поддержку на всей территории Союза, независимо от их трудового вклада в экономику государства пребывания, защищать право граждан-мигрантов, которые не являются экономически активными, требовать для них всех льгот, доступных в принимающем государстве для местных жителей⁴.

Такое развитие прецедентного права Суда ЕС противоречило директивам ЕС, в соответствии с которыми государства-члены могут требовать от прибывающих граждан в течение первых пяти лет проживания быть финансово самостоятельными и иметь всеобъемлющую медицинскую страховку.

2 См, например, Решение Суда ЕС от 23.03.1982 № C-53/81 по делу D.M. Levin v Staatssecretaris van Justitie. В данном деле предметом рассмотрения было толкование статьи 48 Договора о ЕЭС и некоторых положений директив сообщества о свободном передвижении лиц внутри сообщества. Суд ЕС указал, что «Понятия «работник» и «деятельность в качестве наемного работника» определяют сферу применения одной из основных свобод, гарантированных договором, и не могут толковаться ограничительно. Положения законодательства ЕЭС, касающиеся свободы передвижения трудящихся, распространяются на гражданина, который осуществляет на территории другого государства-члена деятельность в качестве занятого лица, приносящую доход ниже прожиточного минимума, при условии, что он осуществляет деятельность в качестве наемного работника. Мотивы, которые могли побудить работника одного государства-члена искать работу в другом государстве-члене, не имеют значения в отношении его права въезжать и проживать на территории последнего государства». Позже эта позиция Суда ЕС была закреплена в ряде других дел. Так, в Решении от 04.02.2010 № C-14/09 по делу Nava Genc v Land Berlin было закреплено право на признание «работником» и получение социального обеспечения при сокращенном (5-часовом) рабочем дне.

3 Более подробно анализ прецедентного права Суда ЕС см. в [*Martinsen, Falkner 2011*].

4 См., например, Решение Суда ЕС от 20.09.2001 № C-184/99 по делу Rudy Grzelczyk v Centre public d'aide sociale d'Ottignies-Louvain-la-Neuve, в котором Суд ЕС закрепил обязанность государств-членов проявлять «финансовую солидарность с гражданами других государств-членов».

Тем не менее традиции общего права привели к тому, что закрепленный прецедентным правом Суда ЕС низкий порог для признания мигранта работником, имеющим право на социальные пособия, нашли прямой путь в административную практику, сохраняя ссылки на толкования Суда⁵. Эти частые ссылки, обосновывающие претензии на социальные права, подчеркивали институциональный конфликт с парламентским суверенитетом Великобритании. В результате, во-первых, легитимность социальных прав мигрантов из ЕС в глазах местных жителей страны была подорвана, а во-вторых, с новой силой стал звучать аргумент об утрате суверенитета страны, выражающегося в парламентском суверенитете.

Таким образом, именно это глубокое институциональное несоответствие в понимании роли прецедента в системе права, а также соотношения полномочий судебной власти и парламента позволяет объяснить, почему «возвращение контроля» стало столь значимым аргументом в пользу «выхода» Великобритании из ЕС.

Политика постправды в кампании за Брекзит

Слухи, городские легенды, фольклор и другие способы устной передачи информации всегда существовали в человеческих обществах. И сфабрикованные новости также распространялись основными средствами массовой информации еще в XX в. То есть фейки сами по себе не являются новеллой. Однако появление цифровых медиа оказалось особенно эффективным для ши-

рокого распространения подобных историй, что ввело в политический лексикон новый термин «постправды», который означает, что «объективные факты менее существенны при формировании общественного мнения, по сравнению с обращением к эмоциям и личным убеждениям» [Грачев, Евстифеев 2020].

Анализ позиции британских СМИ в предшествовавшие референдуму годы, а также самой кампании «за выход» наглядно демонстрирует, насколько существенную роль играют инструменты постправды в формировании общественного мнения.

Так, британская пресса оказывала постоянное сопротивление европейскому проекту еще с момента ратификации Договора о ЕС. Основную роль в создании атмосферы истерии вокруг проблемы Европы сыграли основные ежедневные газеты и их главные обозреватели. Не проходило и дня, чтобы, по крайней мере, одна из британских газет не нападала на Европу по тому или иному вопросу [Levy et al. 2016]. Лозунг «Вернем контроль» появился не в 2016 г. В течение 20 лет британская пресса, особенно Daily Mail, использовала любую возможность, чтобы указать на то, что Британия должна «вернуть контроль», занижая экономические показатели Союза, одновременно подчеркивая возможности, открытые для Великобритании, если она станет своего рода Сингапуром у берегов ЕС.

Активно использовалась технология создания политических мифов, которые одновременно высмеивали и очерняли Евросоюз и предлагали прекрасную альтернативу. Политические мифы – мощный инструмент, влияю-

⁵ Так, например, Департаментом труда и пенсий Великобритании были разработаны подробные «Руководящие принципы признания права мигрантов на социальное обеспечение», которые содержат 46 ссылок на прецедентное право Суда ЕС, ссылки на пять постановлений и одну директиву ЕС // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/924422/dmg0703.pdf

щий на то, как люди различают правильное и неправильное, и на формирование их убеждений относительно правильного и эффективного использования политической власти [Della Sala 2016]. При этом успех политического мифа не зависит от его достоверности, он рассчитан на эмоциональное восприятие, а не трансляцию исторически проверенных истин.

Одним из таких мифов, сыгравших решающую роль в политическом дискурсе, стал миф о «Глобальной Британии». Его сторонники утверждают, что Британия и британцы принадлежат не Европе, а всему миру, и что имперское и глубоко интернационалистское прошлое страны обеспечивает путь к возвращению международной ориентации и глобальной идентичности.

Глобальная Британия произрастает из идей поздневикторианской эпохи о «Великой Британии», призванной возродить глобальное англосаксонское сообщество. Сторонники «Глобальной Британии» ставят будущее процветание страны в зависимость от развития новых и, что особенно важно, возрождения и укрепления старых международных отношений.

Согласно М. Спайеринг, британская «островная история» – это не только история изоляции, но история «освобождения». Географически оторванные от материковой Европы островитяне могут свободно выходить в семь морей. В этом смысле Британия исторически была «мировым островом» в центре империи, охватывающей весь земной шар [Spiering 2015].

Эта риторика позволила интерпретировать Брекзит как освобождение. Так, Б. Джонсон заявил: «Вы можете себе представить, что наши блестящие компании <...> смогут сделать, когда они наконец <...> освободятся от оков общей коммерческой политики» (цит. по [Eaton (2) 2020]).

Еще один важный элемент «Глобальной Британии» касается вопросов коллективной идентичности. Как утверждает М. Спайеринг, существуют убедительные признаки того, что сложные исторические и современные отношения между Великобританией и ЕС не просто основаны на политических или экономических спорах, – существует разрыв, который идет гораздо глубже. Фактически мы имеем дело с двумя противоположными концепциями: одна называется «Британией», другая «Европой» [Spiering 2015]. Для подтверждения этого тезиса его приверженцы широко используют ссылки на историю, наиболее известной из которых стали много раз процитированные высказывания У. Черчилля: «Мы с Европой, но не в ней» и «Если Британия должна выбирать между Европой и открытым морем, она всегда должна выбирать открытое море».

Однако встречаются и обращения к более ранним источникам, например, к генриховской Реформации времен Тюдоров, главной целью которой был отказ от континентальной власти в лице Папы Римского [Crozier 2020]. И позже, во время Ахенского Конгресса 1818 г., а также после окончания Первой мировой войны Британия постоянно культивировала свою глобальную роль и интересы, подчеркивая, что «Англия не Европа. <...> Владения Европы простираются до берегов Атлантики, владения Англии начинаются там» [Crozier 2020].

Далее нарратив о собственной идентичности и непохожести подкрепляется тезисами о величии Британии, примером чего может служить речь Б. Джонсона: «Мы – пятая по величине экономика в мире. Мы являемся постоянным членом Совета Безопасности ООН. Мы являемся ведущим членом НАТО, Содружества и Большой Семерки. <...> Мы ничем этим не обязаны ЕС. Мы – нация Шекспира и Ньютона, Фарадея и Резерфорда, Гладстона и Черчилля. <...> И

команда Remain⁶ хочет, чтобы мы выбрали между Норвегией и Швейцарией?» (цит. по [Eaton (2) 2020]).

Однако, как подчеркивалось выше, политический миф – явление не сегодняшнего дня. Современной особенностью является то, как этот миф транслируется широким массам. Социальные медиа сочетают силу личного убеждения «лидеров общественного мнения» с огромным охватом средств массовой информации 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Например, широко известны обвинения в адрес компании по анализу данных Cambridge Analytica в манипулировании личными данными людей в социальных сетях, чтобы напрямую и независимо от реальности воздействовать на индивидуальные страхи.

Приведем несколько примеров тактики дезинформации, открыто применявшейся в дебатах о Брексит. Пожалуй, одним из самых на шумевших стал лозунг «Давайте дадим Национальной службе здравоохранения 350 млн фунтов стерлингов, которые ЕС забирает каждую неделю». Эксперты отмечают, что данная цифра была, мягко говоря, некорректной, поскольку включала все прямые и косвенные платежи и не учитывала британскую скидку, добавив к расчетам суммы, которые никогда даже не покидали Британию [Bergmann 2020].

Очевидно, что в данном случае имеет место классический популистский прием, с помощью которого членство в ЕС прямо связывается с недостаточным финансированием Национальной службы здравоохранения. Таким образом, ЕС был идентифицирован как внешняя угроза для надлежащего здравоохранения в Великобритании. Параллельно в риторике кампании «за выход» этот тезис связывался с «возвращением контроля» народу (распоряжаться бюджетом страны) и возрождением былой славы Британии.

Еще один популистский тезис, оказавший важное влияние на результаты голосования, это опасения по поводу возможного вступления Турции в ЕС и, следовательно, увеличения мусульманской миграции в Великобританию. Игнорируя тот факт, что все государства – члены ЕС имеют право вето на прием новых членов, кампания «за выход» настойчиво утверждала, что 75 млн бедных турок на грани получения права въезда в Великобританию, «чтобы воспользоваться услугами здравоохранения, использовать наши начальные школы, чтобы получить работу в любом секторе экономики». Н. Фарадж заявил, что боевики террористической организации ИГИЛ будут просачиваться в Великобританию вместе с сирийскими беженцами, прибывающими из Турции (цит. по [Bergmann 2020]).

Эксперты отмечают, что за неделю до голосования был «переломный момент», с которого число сторонников выхода из ЕС стало заметно расти, – размещение на улицах плаката, на котором была изображена длинная очередь мигрантов из Турции, якобы направляющихся в Великобританию [Favell 2020].

Многие фейковые новости широко распространялись в социальных сетях, причем особую силу им придавали именно «лидеры мнения» или так называемые пророки, так что исходные источники многих фальшивых новостей и теорий заговора на самом деле были относительно малочисленными, но с течением времени эти фейки превращались в снежный ком, лавинообразно распространяясь по сети.

Так, например, в контексте убийства Джо Кокс высказывалось предположе-

6 Remain – кампания за сохранение членства в ЕС.

ние, что проевропейский депутат была «принесена в жертву» проевропейскими силами, чтобы склонить граждан голосовать за сохранение членства в ЕС, изображая сторонников кампании «за выход» как опасных убийц. Еще одна теория заговора, получившая широкое распространение в социальных сетях, была связана с тем, что в кабинах для голосования лежали не ручки, а карандаши. Пользователи в сети Twitter стали высказывать опасения, что это для того, чтобы крестик можно было стереть с избирательных бюллетеней [Dobreva et al. 2020].

Эти настроения были отражены в опросе YouGov, согласно которому 46% сторонников выхода полагали, что референдум будет сфальсифицирован, а 28% – что MI5 совместно с правительством Великобритании работают над тем, чтобы не допустить выход страны из ЕС [YouGov 2016].

Это демонстрирует, что речь идет о комплексной и хорошо проработанной пропагандистской кампании, которая включала широкий набор популистских инструментов, начиная с интеллектуального тезиса о парламентском суверенитете, эмоционального обещания великого и процветающего будущего «Глобальной Британии» и заканчивая целым набором различных теорий заговора и фейковых новостей. Причем последние были достаточно разнообразными, но очень точно нацеленными на конкретную аудиторию в зависимости от каналов продвижения (плакаты на улицах, политические дебаты или социальные сети).

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время сформировалась обширная научная литература, связанная с результатами голосования за Брекзит и последующим долгим и болезненным

процессом выхода Великобритании из ЕС. Настоящая статья не включала проблематику, связанную с формальной процедурой выхода Великобритании из ЕС, последовавшей после голосования, поскольку это требует отдельного глубокого анализа, что невозможно осуществить в рамках одной статьи.

Основное внимание было уделено выявлению и исследованию глубинных причин, заставивших жителей страны проголосовать за выход из ЕС, поскольку эти причины во многом отражают общие тенденции, складывающиеся сегодня в западном обществе. В частности, речь идет о глобальной социальной трансформации, которая в корне меняет сложившиеся социальные устои и паттерны, вызывая чувство неуверенности, страха и бессилия практически у всех социальных слоев, а также о роли инструментария постправды в формировании общественного мнения.

Представляется, что приведенные в настоящей статье факторы поддержки кампании «за выход» характерны не только для Великобритании. Исследованные глубинные социальные, эмоциональные и психологические мотивы в равной степени характерны для других европейских народов, поэтому представленные выводы могут быть экстраполированы на более широкий контекст стремления к деглобализации, его причин и последствий.

Список литературы

- Ананьева Е.В. (2017) Брекзит: причины, политический фон, последствия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 6. С. 98–119. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119
- Ананьева Е.В., Каневский П.С. (2016) Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и

США меняют парадигму? Монография. М.: Институт Европы РАН.

Благовещенский Р.И. (2017) Итоги референдума в Великобритании: причины победы евроскептиков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. № 2. С. 105–133 // <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-referenduma-v-velikobritanii-prichiny-pobedy-evroskeptikov>, дата обращения 23.09.2020.

Воробьева Л.М. (2016) Британский выбор: с Европой, но вне ЕС // Проблемы национальной стратегии. № 6(39). С. 38–62 // <https://riss.ru/journal/39/>, дата обращения 23.09.2020.

Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. (2020) Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Громыко А. (2016) «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. № 6(72). С. 5–10. DOI: 10.15211/soveurope620160510

Договор о Европейском Союзе // <https://eulaw.ru/treaties/teu/>, дата обращения 23.09.2020.

Евросоюз на перекрестке внутренних и внешних вызовов (аналитический доклад РИСИ) (2018) // Проблемы национальной стратегии. № 5(50). С. 13–53 // <https://riss.ru/article/14753/>, дата обращения 23.09.2020.

Кростев И. (2018) После Европы. М.: Дело.

Кузнецова М.А., Хахалкина Е.В. (2018) Процессы трансформации национальной идентичности Британии в контексте Брекзита // Вестник Томского государственного университета. № 53. С. 52–58. DOI: 10.17223/19988613/53/11

Фадеева И.А. (2018) Дезинтеграционные процессы в странах Евро-

пы: причины и влияние на Россию // Фундаментальные исследования. № 4. С. 125–129 // <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42130>, дата обращения 23.09.2020.

Худолей К., Еремина Н. (2017) Брекзит: новый «старый» выбор Великобритании // Современная Европа. № 3(75). С. 28–36 // <https://cyberleninka.ru/article/n/brekzit-novyyu-staryu-vybor-velikobritanii>, дата обращения 23.09.2020.

Шибкова М.О. (2016) Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности // Вестник МГИМО-Университета. № 6(51). С. 31–41 // https://mgimo.ru/upload/iblock/223/004_shibkovamo_0.pdf, дата обращения 23.09.2020.

Bergmann E. (2020) Populism and the Politics of Misinformation // *Safundi*, vol. 21, no 3, pp. 251–265. DOI: 10.1080/17533171.2020.1783086

Bhambra G.K. (2017) Brexit, Trump, and ‘Methodological Whiteness’: On the Misrecognition of Race and Class // *The British Journal of Sociology*, vol. 68, no 1, pp. 214–232. DOI: 10.1111/1468-4446.12317

Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, no 8, pp. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700

Crozier A.J. (2020) British Exceptionalism: Pride and Prejudice and Brexit // *International Economics and Economic Policy*, vol. 17, pp. 635–658. DOI: 10.1007/s10368-020-00469-z

De Cleen B., Stavrakakis Y. (2017) Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism // *Javnost – The Public*, vol. 24, no 4, pp. 301–319. DOI: 10.1080/13183222.2017.1330083

Della Sala V. (2016) Europe’s Odyssey? Political Myth and the European Union // *Nations and Nationalism*, vol. 22, no 3, pp. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159

- Dobreva D., Grinnell D., Innes M. (2020) Prophets and Loss: How “Soft Facts” on Social Media Influenced the Brexit Campaign and Social Reactions to the Murder of Jo Cox MP // *Policy & Internet*, vol. 12, no 2, pp. 144–164. DOI: 10.1002/poi3.203
- Eaton M.Ø. (1) (2020) Duelling Commonwealth Family of Nations Metaphors and Britain’s Post-Brexit Global Identity // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 283–307. DOI: 10.1007/s10767-019-09326-7
- Eaton M.Ø. (2) (2020) ‘We Are All Children Of The Commonwealth’: Political Myth, Metaphor and the Transnational Commonwealth ‘Family of Nations’ in Brexit Discourse // *British Politics*, vol. 15, pp. 326–348. DOI: 10.1057/s41293-019-00117-4
- Emmerson C., Johnson P., Mitchell I., Phillips D. (2016) Brexit Could Add Two Years to Austerity // *Institute for Fiscal Studies*, May 25, 2016 // <https://www.ifs.org.uk/publications/8297>, дата обращения 23.09.2020.
- Favell A. (2020) Here, There and Everywhere: Nationalism after Brexit // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1446–1452. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740759
- Frosini J.O., Gilbert M.F. (2020) The Brexit Car Crash: Using E.H. Carr to Explain Britain’s Choice to Leave the European Union in 2016 // *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 761–778 // <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=gjpp20>, дата обращения 23.09.2020.
- Goldsworthy J. (2015) Losing Faith in Democracy: Why Judicial Supremacy Is Rising and What to Do about It. Launch of Policy Exchange Judicial Power Project // <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf>, дата обращения 23.09.2020.
- IMF Says Brexit “Pretty Bad to Very, Very Bad” (2016) // *BBC News*, May 13, 2016 // <https://www.bbc.co.uk/news/business-36284200>, дата обращения 23.09.2020.
- Levy D.A.L., Aslan B., Bironzo D. (2016) UK Press Coverage of the EU Referendum, Oxford: Reuters Institute // https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf, дата обращения 23.09.2020.
- Mandelbaum M. (2020) ‘Making Our Country Great Again’: The Politics of Subjectivity in an Age of National Populism // *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 33, pp. 451–476 // <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11196-020-09717-6>, дата обращения 23.09.2020.
- Martinsen D.S., Falkner G. (2011) Social Policy: Problem-solving Gaps, Partial Exits, and Court-decision Traps // *The EU’s Decision Traps: Comparing Policies* (ed. Falkner G.), Oxford: Oxford University Press, pp. 128–145.
- Mattei U., Pes L.G. (2008) Civil Law and Common Law: Toward Convergence? // *The Oxford Handbook of Law and Politics*, pp. 267–281. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199208425.003.0015
- Pensiero N. (2020) To Leave or not to Leave? Understanding the Support for the United Kingdom Membership in the European Union: Identity, Attitudes towards the Political System and Socioeconomic Status // *Rationality and Society*, vol. 32, no 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/1043463120945268
- Robertson J. (2016) Brexit Vote May Spark Recession, Mark Carney Warns // *BBC News*, May 12, 2016 // <https://www.bbc.com/news/business-36273448>, дата обращения 23.09.2020.
- Schmidt S.K. (2020) No Match Made in Heaven. Parliamentary Sovereignty, EU Over-constitutionalization and Brexit // *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 779–794. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733635

Seidler V.J. (2020) *Brexit Futures: A Brexit World's Anxieties, Fears and Hopes: A Response to Shakuntala Banaji's "A Review of Victor Seidler's Making Sense of Brexit: Democracy, Europe and Uncertain Futures"* // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 439–448. DOI: 10.1007/s10767-020-09351-x

Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: W.W. Norton.

Sorensen L. (2018) *Populist Communication in the New Media Environment: A Cross-regional Comparative Perspective* // *Palgrave Communications*, vol. 4, no 1, pp. 1–12. DOI: 10.1057/s41599-018-0101-0

Spiering M. (2015) *A Cultural History of British Euroscepticism*, London: Palgrave MacMillan. DOI: 10.1057/9781137447555

Tabarelli M. (2013) *The Influence of the EU and the ECHR on 'Parliamentary Sovereignty Regimes': Assessing the Impact of European Integration on the Brit-*

ish and Swedish Judiciaries // *European Law Journal*, vol. 19, no 3, pp. 340–363. DOI: 10.1111/eulj.12027

Valluvan S. (2020) *Rejoinder: Clamour of Nationalism Symposium* // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1453–1466. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740760

van der Walt S. (2020) *Populism and the Yearning for Closure: From Economic to Cultural Fragility* // *European Journal of Social Theory*, vol. 23, no 4, pp. 477–492. DOI: 10.1177/1368431019866338

Wincott D. (2017) *Brexit Dilemmas: New Opportunities and Tough Choices in Unsettled Times* // *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 19, no 4, pp. 680–695. DOI: 10.1177/1369148117725316

YouGov Survey Results (2016) // http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/463g4e5e0e/LBCResults_160614_EUReferendum_W.pdf, дата обращения 23.09.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

The Anatomy of Brexit: Separatism, Populism and the Social Transformation of British Society

Svetlana I. KODANEVA

PhD in Law Sciences, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117218, Krzhizhanovsky St., 15/2, Moscow, Russian Federation

E-mail: kodanevas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8232-9533

CITATION: Kodaneva S.I. (2021) The Anatomy of Brexit: Separatism, Populism and the Social Transformation of British Society. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 98–117 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Received: 27.09.2020.

ABSTRACT. On January 31, 2020, the UK left the European Union. Since the 2016 referendum, there has been a significant body of literature designed to answer the question of why the country's residents made such a decision. This article contributes to scientific research on the subject under consideration.

The novelty of the presented research is that, unlike most of the available works, it does not focus on the problems of migration and the deterioration of the socio-economic conditions of the country's indigenous population. The article proves that these factors alone do not explain such broad support for Brexit by all segments of the population. The social transformation of the entire Western society, which led to the destruction of the usual social ties and traditional foundations of self-identification, is considered as one of the key reasons for the development of separatist sentiments in the UK. A person ceases to feel part of something whole and unchangeable, which causes a sense of fear, uncertainty and helplessness in many people, regardless of social affiliation. This forc-

es us to look for a source of stability in the country's past, when it was an independent and great Empire, which is embodied in the myth of "Global Britain".

The populist slogan "Take Back Control" is based on the historically insurmountable institutional differences between the UK and Europe, the main one being the UK's attitude to the case law of the European court of justice, whose broad interpretations were included in the country's administrative practice, which clearly contradicted the residents' idea of democracy.

Finally, author analyzes how these deep assumptions were embodied in the populist rhetoric of the "Leave" company, whose supporters used the post-truth methodology, offering a wide range of populist tools of both intellectual and emotional nature for almost all groups of the population, very accurately selecting information for various communication channels.

The results of this study can be useful for analyzing nationalist and separatist sentiments in Western countries and predicting future developments.

KEYWORDS: *Brexit, Great Britain, European Union, separatism, nationalism, Global Britain, post-truth, political myth, social transformation of society*

References

- Ananieva E.V. (2017) Brexit: Reasons, Political Background, Implications. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 6, pp. 98–119 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119
- Ananyeva E.V., Kanevsky P.S. (2016) *Brexit-1 and Brexit-2: Are Britain and the US Changing the Paradigm?* Monograph, Moscow: Institute of Europe RAS (in Russian).
- Bergmann E. (2020) Populism and the Politics of Misinformation. *Safundi*, vol. 21, no 3, pp. 251–265. DOI: 10.1080/17533171.2020.1783086
- Bhambra G.K. (2017) Brexit, Trump, and ‘Methodological Whiteness’: On the Misrecognition of Race and Class. *The British Journal of Sociology*, vol. 68, no 1, pp. 214–232. DOI: 10.1111/1468-4446.12317
- Blagoveshchenskiy R.I. (2017) Results of the Referendum in Great Britain: Reasons for the Victory of Eurosceptics. *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, no 2, pp. 105–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-referenduma-v-ve-likobritanii-prichiny-pobedy-evroskeptikov>, accessed 23.09.2020 (in Russian).
- Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, no 8, pp. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700
- Crozier A.J. (2020) British Exceptionalism: Pride and Prejudice and Brexit. *International Economics and Economic Policy*, vol. 17, pp. 635–658. DOI: 10.1007/s10368-020-00469-z
- De Cleen B., Stavrakakis Y. (2017) Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism. *Javnost – The Public*, vol. 24, no 4, pp. 301–319. DOI: 10.1080/13183222.2017.1330083
- Della Sala V. (2016) Europe’s Odyssey? Political Myth and the European Union. *Nations and Nationalism*, vol. 22, no 3, pp. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159
- Dobрева D., Grinnell D., Innes M. (2020) Prophets and Loss: How “Soft Facts” on Social Media Influenced the Brexit Campaign and Social Reactions to the Murder of Jo Cox MP. *Policy & Internet*, vol. 12, no 2, pp. 144–164. DOI: 10.1002/poi3.203
- Eaton M.Ø. (1) (2020) Duelling Commonwealth Family of Nations Metaphors and Britain’s Post-Brexit Global Identity. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 283–307. DOI: 10.1007/s10767-019-09326-7
- Eaton M.Ø. (2) (2020) ‘We Are All Children Of The Commonwealth’: Political Myth, Metaphor and the Transnational Commonwealth ‘Family of Nations’ in Brexit Discourse. *British Politics*, vol. 15, pp. 326–348. DOI: 10.1057/s41293-019-00117-4
- Emmerson C., Johnson P., Mitchell I., Phillips D. (2016) Brexit Could Add Two Years to Austerity. *Institute for Fiscal Studies*, May 25, 2016. Available at: <https://www.ifs.org.uk/publications/8297>, accessed 23.09.2020.
- Fadeeva I.A. (2018) Disintegration Processes in Europe: Causes and Impact on Russia. *Fundamental Research*, no 4, pp. 125–129. Available at: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42130>, accessed 23.09.2020 (in Russian).
- Favell A. (2020) Here, There and Everywhere: Nationalism after Brexit. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1446–1452. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740759
- Frosini J.O., Gilbert M.F. (2020) The Brexit Car Crash: Using E.H. Carr to Explain Britain’s Choice to Leave the Europe-

an Union in 2016. *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 761–778. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20>, accessed 23.09.2020.

Grachev M.N., Evstifeev R.V. (2020) The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 229–248 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Goldsworthy J. (2015) *Losing Faith in Democracy: Why Judicial Supremacy Is Rising and What to Do about It. Launch of Policy Exchange Judicial Power Project*. Available at: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf>, accessed 23.09.2020.

Gromyko A. (2016) New Populism and the Post-Cold War Order in the Making. *Contemporary Europe*, no 6(72), pp. 5–10 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope620160510

IMF Says Brexit “Pretty Bad to Very, Very Bad” (2016). *BBC News*, May 13, 2016. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/business-36284200>, accessed 23.09.2020.

Khudoley K., Eremina N. (2017) Brexit: The New “Old” Choice of Great Britain. *Contemporary Europe*, no 3(75), pp. 28–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/brekzit-novyy-staryy-vybor-velikobritanii>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Krastev I. (2018) *After Europe*, Moscow: Delo (in Russian).

Kuznetsova M.A., Khakhalkina E.V. (2018) Processes of Transformation of the National Identity of Britain in the Context of Brexit. *Bulletin of Tomsk State University*, no 53, pp. 52–58 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/11

Levy D.A.L., Aslan B., Bironzo D. (2016) *UK Press Coverage of the EU Referendum*, Oxford: Reuters Institute. Available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_EU_Referendum.pdf, accessed 23.09.2020.

Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf, accessed 23.09.2020.

Mandelbaum M. (2020) ‘Making Our Country Great Again’: The Politics of Subjectivity in an Age of National Populism. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 33, pp. 451–476. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11196-020-09717-6>, accessed 23.09.2020.

Martinsen D.S., Falkner G. (2011) Social Policy: Problem-solving Gaps, Partial Exits, and Court-decision Traps. *The EU’s Decision Traps: Comparing Policies* (ed. Falkner G.), Oxford: Oxford University Press, pp. 128–145.

Mattei U., Pes L.G. (2008) Civil Law and Common Law: Toward Convergence? *The Oxford Handbook of Law and Politics*, pp. 267–281. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199208425.003.0015

Pensiero N. (2020) To Leave or not to Leave? Understanding the Support for the United Kingdom Membership in the European Union: Identity, Attitudes towards the Political System and Socioeconomic Status. *Rationality and Society*, vol. 32, no 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/1043463120945268

Robertson J. (2016) Brexit Vote May Spark Recession, Mark Carney Warns. *BBC News*, May 12, 2016. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-36273448>, accessed 23.09.2020.

Schmidt S.K. (2020) No Match Made in Heaven. Parliamentary Sovereignty, EU Over-constitutionalization and Brexit. *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 779–794. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733635

Seidler V.J. (2020) Brexit Futures: A Brexit World’s Anxieties, Fears and Hopes: A Response to Shakuntala Banaji’s “A Review of Victor Seidler’s Making Sense of Brexit: Democracy, Europe and Uncertain Futures”. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 439–448. DOI: 10.1007/s10767-020-09351-x

Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: W.W. Norton.

Shibkova M.O. (2016) Modern Euroscepticism as a Challenge to European Solidarity. *MGIMO Review of International Relations*, no 6(51), pp. 31–41. Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/223/004_shibkovamo_0.pdf, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Sorensen L. (2018) Populist Communication in the New Media Environment: A Cross-regional Comparative Perspective. *Palgrave Communications*, vol. 4, no 1, pp. 1–12. DOI: 10.1057/s41599-018-0101-0

Spiering M. (2015) *A Cultural History of British Euroscepticism*, London: Palgrave MacMillan. DOI: 10.1057/9781137447555

Tabarelli M. (2013) The Influence of the EU and the ECHR on 'Parliamentary Sovereignty Regimes': Assessing the Impact of European Integration on the British and Swedish Judiciaries. *European Law Journal*, vol. 19, no 3, pp. 340–363. DOI: 10.1111/eulj.12027

The European Union at the Crossroads of Internal and External Challenges (RISI Analytical Report) (2018). *Problems of the National Strategy*, no 5(50), pp. 13–53.

Available at: <https://riss.ru/article/14753/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Treaty on European Union. Available at: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Valluvan S. (2020) Rejoinder: Clamour of Nationalism Symposium. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1453–1466. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740760

van der Walt S. (2020) Populism and the Yearning for Closure: From Economic to Cultural Fragility. *European Journal of Social Theory*, vol. 23, no 4, pp. 477–492. DOI: 10.1177/1368431019866338

Vorobieva L.M. (2016) The British Choice: With Europe but Outside the EU. *Problems of the National Strategy*, no 6(39), pp. 38–62. Available at: <https://riss.ru/journal/39/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Wincott D. (2017) Brexit Dilemmas: New Opportunities and Tough Choices in Unsettled Times. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 19, no 4, pp. 680–695. DOI: 10.1177/1369148117725316

YouGov Survey Results (2016). Available at: http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/463g4e5e0e/LBCResults_160614_EUReferendum_W.pdf, accessed 23.09.2020.